

ДОЛГОСРОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ ТЕНДЕНЦИЙ В ОБЛАСТИ ТЕРРОРИЗМА*

Ключевые слова: терроризм, оценка угроз, прогнозирование рисков, транснационализация, интенсивность, смертоносность, региональное распределение, экстремистские идеологии, организационные формы, информационно-коммуникационный эффект

Аннотация В статье вкратце рассмотрены основные современные тенденции в области терроризма в глобальном контексте (в том, что касается масштаба, интенсивности, регионального распределения, мотивационно-идеологических типов, информационно-коммуникационного, финансового и иного обеспечения террористической деятельности), а также намечены возможные пути их эволюции в ближайшие 20 лет и основные факторы, которые могут влиять на их развитие. Анализируется соотношение долгосрочных тенденций в сфере терроризма и вооруженных конфликтов и рассматривает эволюцию терроризма в более широком контексте динамики одностороннего насилия против гражданского населения. Намечен потенциал новых рисков и неожиданных и нетипичных угроз террористического типа. Указывается на необходимость выхода за рамки защиты от относительно предсказуемых террористических угроз и повышения общей устойчивости самой системы как долгосрочной стратегии снижения террористических рисков.

Keywords: terrorism, threat assessment, risk forecasting, transnationalization, intensity, lethality, regional distribution, extremist ideologies, organizational forms, information and communication effect

Abstract: The article summarizes the main trends in global terrorism (concerning scale, intensity, regional distribution, dominant ideological-motivational types, financing and information and communication support of terrorist activity) and discusses their potential evolution in the next 20 years and the main factors that could affect it. It also looks into the present correlation of long-term trends in terrorism and in armed conflicts and places the evolution of terrorism in the broader context of all one-sided violence against civilians. Finally, it explores the potential for unexpected risks and new threats related to terrorism. The author emphasizes the need to go beyond protection against expected threats to improve the overall resilience of the system under threat as a long-term strategy to reduce terrorism risks.

Терроризм – это преднамеренное применение или угроза применения насилия против гражданского населения и инфраструктуры¹ ради достижения политических целей путем давления на государство и общество.² Эту тактику вооруженных негосударственных акторов следует отличать как от партизанских действий против военных целей, в том числе со стороны тех же вооруженных негосударственных игроков, так и от государственного террора.

* Статья основана на материале, подготовленном для прогноза ИМЭМО РАН: Мир-2035. Под ред. В.В.Михеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2016.

Ключ к анализу терроризма XXI века состоит не столько в фиксации некоего устоявшегося, статичного феномена, тем более в глобальном масштабе, сколько в наблюдении за весьма динамичными процессами развития основных форм терроризма на разных уровнях мировой политики. Среди этих процессов – продолжающаяся транснационализация и резкая неравномерность в распределении террористической активности по странам и регионам мира, постоянное формирование новых контекстных условий для вспышек терроризма, особенно в зонах крупных региональных конфликтов, эволюция его преобладающих идеологических форм, видоизменение организационных моделей террористических акторов, развитие тактических средств и методов технического, финансового, а главное – информационно-коммуникационного обеспечения терактов, расширение круга их мишеней. И все это – на фоне более фундаментальных глобальных процессов – формирования все более плотного *глокального* (глобально-локального) информационно-политического пространства и новых возможностей манипулирования им, умножения негосударственных игроков и активизации их роли на разных уровнях мировой политики, в том числе в сфере вооруженного насилия, роста потенциала асимметричного насилия в мире, определенной разбалансировки и переходного характера системы международных отношений.

В этом контексте долгосрочное прогнозирование террористических угроз преследует две основные предсказательные задачи, которые привязаны к двум разным, но взаимодополняющим целям и направлениям практической политики:

(1) *выявить наиболее вероятные, ожидаемые и типичные угрозы*, в основном на основе экстраполяции и моделирования долгосрочных тенденций развития различных аспектов терроризма (в целях обеспечения защиты населения, государства и критической инфраструктуры от таких относительно прогнозируемых угроз);

(2) *определить потенциал новых рисков и неожиданных и нетипичных угроз* террористического типа (в целях повышения устойчивости как отдельных общественно-государственных систем, так и международной системы в целом и снижения их уязвимостей перед лицом таких угроз, в принципе слабо поддающихся прогнозированию).

В этой связи следует, во-первых, вкратце обрисовать основные современные тенденции в области терроризма в глобальном контексте, обозначив некую «точку отсчета», и наметить возможные пути их развития в долгосрочной перспективе.

Во-вторых, с учетом того, что львиная доля терроризма в мире связана с контекстом вооруженных конфликтов, прогноз в области применения террористических методов необходимо соотнести с долгосрочными тенденциями в сфере конфликтов. Важно также вписать эволюцию терроризма в динамику других видов насилия, прямо или косвенно направленного против гражданского населения (некомбатантов).

В-третьих, в глобально-историческом контексте применение террористических методов носит нелинейный, отчасти волнообразный характер. Его динамика определяется взаимодействием асимметричной и коммуникативной составляющих терроризма на конкретном этапе развития

обществ(а), международных отношений, технологий и т. п. Такое взаимодействие, в условиях растущей глобальной политической и социально-экономической взаимозависимости и информационно-технологической плотности, может принимать самые неожиданные формы, идти в разрыв с более или менее устойчивыми тенденциям и предыдущим опытом и генерировать новые формы, условия, масштабы применения террористических методов и новые характеристики террористических акторов. Хотя эти аспекты трудно поддаются прогнозированию, стоит наметить хотя бы возможные направления влияния факторов неопределенности, нелинейности и новых рисков на динамику терроризма в ближайшие 20 лет.

I. Основные тенденции в области терроризма на современном этапе и в долгосрочной перспективе

В области современного терроризма (первых полутора десятилетий XXI в.) можно выделить восемь наиболее явных, основных тенденций.

1. В начале XXI в. террористическая активность в мире находится на *значительном подъеме*, особенно в 2010-е гг., когда она достигла своего исторического пика (за весь период с 1970 г., по которому доступна статистика по терроризму).

2. Значительно растет *смертоносность* терроризма.

3. Террористическая активность *крайне неравномерно распределена по регионам мира* – ее львиная доля сконцентрирована в двух регионах, которые лидируют с большим отрывом от остальных (Ближний Восток и Южная Азия), а в этих регионах – в двух-трех зонах наиболее масштабных и интенсивных региональных конфликтов.

4. Происходит дальнейшая *транснационализация* терроризма на разных уровнях мировой политики и размывание грани между внутривнутриполитическим и международным терроризмом, которая уже практически условна.

5. В мотивационно-идеологическом плане на первый план по степени активности, смертоносности и уровню транснационализации вышел терроризм *религиозно-экстремистского толка* (при не снижающемся уровне терроризма националистического, левого и иных типов, который также продолжает расти, но значительно уступает терроризму религиозно-экстремистского толка, и многообразии смешанных мотивационно-идеологических форм). При этом среди наиболее активных и смертоносных террористических группировок в начале XXI в. абсолютно доминируют организации *радикально-исламистского толка*, действующие на региональном и транснациональном уровне.

6. Растет многообразие *организационных форм терроризма* на уровнях от локального до глобального. На фоне распространения сетевых форм, среди организаций, применяющих террористические методы, доминируют, тем не менее, структуры смешанного (гибридного) типа. Активно развиваются и квазигосударственные системы, и инновационные организационные модели, не свойственные ни одной из базовых организационных форм (сетям, иерархиям, кланам и т. д.).

7. Укрепляется связь терроризма с *теневой экономикой*, происходит переход многих террористических группировок и сетей на самофинансирование.

8. Развиваются тактические приемы, средства и методы технического, финансового и – наиболее активно – *информационно-коммуникационного обеспечения* терроризма.

На базе этих тенденций и оценки возможных вариантов их эволюции можно сделать долгосрочный прогноз по следующим направлениям развития терроризма на период до 2035 г.

(а) Рост интенсивности и масштабов террористической активности

В середине 2010-х гг. мир находился на пике роста террористической активности как по совокупности ее основных показателей (измеряемой Глобальным индексом терроризма),³ так и по каждому показателю в отдельности.⁴ Число терактов и убитых в терактах в 2014 г. превысило соответствующие показатели 2000 г., соответственно, в 9,4 раза⁵ и в 9 раз.⁶ Экономический ущерб от терроризма, по самым консервативным оценкам, в 2014 г. составил 52,9 млрд. долл., что более чем в 10 раз больше, чем в 2000 г. (4,93 млрд. долл.).⁷ Подъем террористической активности в начале XXI в. не просто затянулся, а набирает обороты – самым тяжелым периодом с начала века стала первая половина – и особенно середина – 2010-х гг.

Для прогнозирования дальнейшей динамики терроризма решающее значение имеет учет ярко выраженной тенденции к непропорциональному сосредоточению большей части террористической активности в мире (более половины всех терактов и до двух третей всех убитых в терактах в первые полтора десятилетия XXI в.) в зонах двух-трех наиболее интенсивных региональных вооруженных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке – в Ираке и Афганистане⁸ (и в более широких ирако-сирийском и афгано-пакистанском контекстах). В Ираке и Афганистане главным импульсом, запустившим современный виток конфликтности, стали вооруженные интервенции во главе с США начала 2000-х гг. К середине 2010-х гг. речь уже шла об обширных трансграничных региональных ирако-сирийской и афгано-пакистанской зонах конфликтов внутренне-интернационализованного типа, в условиях развала и/или крайнего ослабления государственной власти в сочетании с широкой транснационализацией вооруженного насилия, высокой степенью вмешательства со стороны региональных держав и острыми противоречиями между ними (и между ключевыми внерегиональными игроками). Показательно, что именно конфликты этого типа лидируют в XXI в. не только по показателям террористической активности, но и по интенсивности собственно вооруженного противостояния между комбатантами (в базах данных по конфликтам она измеряется числом убитых непосредственно в ходе военных действий).

В рамках *оптимистичного сценария* стабилизация и последующий спад терроризма в глобальном масштабе возможны только в случае значительного прогресса в урегулировании как минимум трех наиболее крупных и интенсивных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке (в ирако-сирийском и афгано-пакистанском ареалах) при активном международном сотрудничестве по предотвращению иных крупных региональных конфликтов этого типа и уровня, в том числе в других регионах мира. Понятно, что такой сценарий может реализоваться только в условиях общей разрядки международной напряженности и способности ведущих региональных и внерегиональных держав договориться хотя бы об общих параметрах урегулирования

соответствующих конфликтов. Такой сценарий не исключен, но пока маловероятен.

Пессимистичный сценарий вероятен (а) в случае провала в урегулировании указанных конфликтов или (б) при условии обеспечения определенного сдерживания их интенсивности, но провала в предотвращении хотя бы еще одного крупного регионального конфликта этого уровня (когда острые внутригосударственные противоречия в одной или нескольких соседних странах усугубляются развалом или ослаблением государственной власти (извне или изнутри), геополитическими, сектарными и иными трениями на региональном уровне и ускоренной транснационализацией). В таком случае высока вероятность не только того, что нынешний исторический пик терроризма будет превзойден в среднесрочной перспективе, но и того, что уровень терроризма не снизится и даже возрастет в долгосрочной перспективе. По умеренно-консервативной оценке, не исключен рост числа терактов до 15-20 тысяч в год, а убитых в терактах – до 40 и более тысяч в год.

Наиболее вероятен, тем не менее, *промежуточный сценарий*: в среднесрочном плане он предполагает определенный рост террористической активности, однако в долгосрочном плане сдерживание указанных – и возможных новых – крупных конфликтов этого типа позволит несколько стабилизировать показатели террористической активности в глобальном масштабе, хотя и на относительно высоком уровне.

(б) Региональное распределение террористической активности

Хотя в современном мире проявления терроризма затрагивают большинство стран (в 2014 г. – 93 из 162 стран, по которым доступна статистика по терроризму),⁹ львиная доля террористической активности сконцентрирована всего лишь в двух регионах, которые лидируют с огромным отрывом от остальных – на Ближнем Востоке и в Южной Азии. При этом бóльшая ее часть сосредоточена лишь в нескольких странах (в 2014 г. 78% убитых в терактах и 57% терактов в мире пришлось всего на 5 стран: уже упомянутую «четверку» – Ирак, Афганистан, Пакистан, Сирию – и Нигерию).¹⁰ Насколько в долгосрочном плане вероятно сохранение такой сильной диспропорции в региональном распределении террористической активности в целом и ее определенное перераспределение за счет значительного роста терроризма в других регионах?

Тенденция к концентрации большей части террористической активности в мире в зонах лишь нескольких наиболее крупных, интенсивных и сильно транснационализованных вооруженных конфликтов в 1-2 регионах мира носит долгосрочный характер. При этом террористическая активность, пусть и в гораздо меньших масштабах и более низкой интенсивности, продолжит распространяться, в том числе и в странах и регионах, где ее уровень был минимальным (в частности, число стран с одним и более погибшим от рук террористов в год – 67 в 2014 г.¹¹ – продолжит расти).

В долгосрочном плане возможно также формирование новых крупных региональных центров террористической активности. Соответственно, есть вероятность ее частичного регионального перераспределения и некоторого увеличения числа конфликтных зон, на которые придется основной «центр тяжести» мировой террористической активности (от двух–трех до трех–пяти). По всей вероятности, в ближайшие 20 лет все конфликты этого типа будут

иметь место либо в мусульманских странах (регионах), либо в странах с крупными мусульманскими общинами (меньшинствами). Дальнейший значительный рост террористической активности наиболее вероятен в Африке (южнее Сахары), которая, вместе с Юго-Восточной Азией, уже входит во «второй эшелон» регионов по уровню терроризма, но пока с трех-четырёхкратным отставанием от Ближнего Востока и Южной Азии. При этом заметный рост террористических угроз вероятен сразу в двух африканских регионах – в перекрестье западной и центральной Африки (с центром в Нигерии, где уже в 2014 г. на счету радикально-исламистского движения «Боко Харам» было больше терактов и убитых в терактах, чем даже на счету «Исламского государства в Ираке и Леванте» (ИГИЛ) на Ближнем Востоке),¹² а также в районе Африканского Рога.

Типологически наиболее вероятные зоны роста террористической активности за пределами ирако-сирийского и афганского контекстов – это *транснационализованные конфликты на территории ослабленных и нефункциональных государств* (Сомали, Йемен, Пакистан), часто в условиях объявленного или необъявленного иностранного военного вмешательства. В отличие от них, *терроризм как тактика периферийных конфликтов* (например, исламистско-сепаратистского типа) *на территории полностью дееспособных государств* (прежде всего, в Азии и Евразии – в Индии, Китае, России, Таиланде, на Филиппинах и т. д.) продолжит угрожать национальной и региональной безопасности, но не будет определять основной глобальный террористический вызов первой трети XXI в.

Резкие краткосрочные или периодические, но не регулярные вспышки террористической активности вероятны и в других регионах, в том числе в Европе и Северной Америке. На примере этих регионов особенно заметна *колоссальная диспропорция* в проявлениях терроризма в мире: так, в 2000–2014 гг. на страны Запада пришлось лишь 4,4% терактов и только 2,6% убитых в терактах в мире.¹³ Эта диспропорция сохранится и в дальнейшем: если она и сократится, то минимально.

(в) Транснационализация терроризма в контексте его организационно-идеологической эволюции

В условиях глобализации терроризм на разных уровнях мировой политики – от локального до глобального – отличается, скорее степенью транснационализации, чем ее наличием или отсутствием. Эта степень определяется, прежде всего, масштабом конечных целей группировки – локальным (субнациональным), региональным или трансрегиональным (и даже глобальным). Транснационализация терроризма как на современном этапе, так и в долгосрочном плане – это не формирование некоей единой всемирной интегрированной террористической сети от глобального до локального уровня и наоборот, а гораздо более сложный многоуровневый процесс. Этот процесс носит не столько количественный, сколько качественный характер и в разной степени затрагивает вооруженно-террористических игроков разных типов, действующих на разных уровнях мировой политики и преследующих цели разного масштаба.

В этом контексте следует сосредоточиться на трех наиболее вероятных направлениях транснационализации терроризма в долгосрочной перспективе.

1. Дальнейшая *регионализация*. В начале XXI в. эта тенденция в области транснационализации терроризма, как правило, рассматривалась как регионализация по принципу «сверху–вниз» (как форма децентрализации движения «глобального джихада» – от «ядра» аль-Каиды к ее так называемым региональным филиалам). Однако, на современном этапе и в средне-долгосрочной перспективе все большую силу набирает противонаправленный процесс – *регионализация по принципу «снизу–вверх»* (выход с более локального на полноценный региональный уровень, а порой и за его пределы). Этот тип регионализации в разной степени демонстрируют все наиболее опасные и смертоносные террористические группировки нынешнего десятилетия – ИГИЛ в ирако-сирийском контексте, афганский и пакистанский Талибан, «Боко Харам», «Лашкар-э-Джангви» (Пакистан), «аш-Шабаб» (Сомали), «Джабхат ан-Нусра» (Сирия и Ираке).¹⁴ Все эти радикально-исламистские движения, наряду с систематическим применением террористических методов, являются основными комбатантами в крупных трансграничных региональных конфликтах и экспериментируют с квазигосударственным строительством. В ближайшие 20 лет роль таких региональных или динамично регионализирующихся вооруженно-террористических группировок и движений будет только возрастать, в том числе в регионах за пределами Ближнего и Среднего Востока (прежде всего, в Африке и Юго-Восточной Азии).

2. *Сетевая фрагментация* терроризма, особенно в развитых постиндустриальных и быстро развивающихся странах. В рамках этой тенденции продолжится распространение небольших автономных ячеек, которые нередко связаны с более широким антисистемным «движением» и между собой в основном посредством радикальной идеологии, но при этом не только считают себя элементами транснациональной сети, но и действуют – планируя и осуществляя террористическую активность – как сетевые агенты.¹⁵ Подчеркнем, что условием и связующим клеем такой сетевой фрагментации терроризма могут быть только универсалистские идеологии принципиально антисистемного толка. На современном этапе ведущую роль на этом уровне играет религиозно-экстремистская идеология «глобального джихада», но это не значит, что так будет всегда.

3. Формирование направленных *транснациональных и трансрегиональных потоков радикально-террористических элементов* из разных регионов мира (включая как вооруженных боевиков из зон активных локально-региональных конфликтов, так и потенциальных террористов, в том числе из радикальных ячеек фрагментарно-сетевого типа в развитых регионах мира). Несмотря на активизацию международных усилий по противодействию этой тенденции, она сохранит острую актуальность в долгосрочном плане. Хотя частью этого процесса останется традиционный переток части профессиональных боевиков-террористов из одних конфликтных зоны в другие, наибольшую опасность будут представлять более организованные, «целевые» и массовые транснациональные и трансрегиональные «миграции» таких элементов и их аккумуляция в нескольких «зонах притяжения» – прежде всего, в тех трех-пяти зонах наиболее интенсивных и крупных региональных интернационализированных конфликтов, на которые в ближайшие 20 лет придется львиная доля терроризма в мире.

Эти три долгосрочных направления транснационализации терроризма – регионализация, сетевая фрагментация и активизация вооруженно-

террористических «миграций» – имеют свои истоки в разных социально-политических контекстах, движимы разными комплексами причин и факторов и лишь отчасти пересекаются. Но именно в том поле (идеологическом, политическом, информационном и пространственно-территориальном), где эти тенденции пересекаются и накладываются друг на друга, и будут складываться наиболее опасные формы и проявления терроризма. При этом они совершенно не обязательно должны следовать образу и подобию ИГИЛ (как наиболее яркого текущего примера взаимодействия этих трех тенденций на базе «переиздания» идеологии «глобального джихада» путем объявления и попытки *физического* воспроизведения исторического «исламского халифата» *здесь и сейчас*, на конкретной территории в ирако-сирийском контексте).

(г) Развитие средств и методов ведения террористической деятельности

1. Критическое влияние на развитие тенденций в области *финансирования терроризма* в ближайшие 20 лет окажут две группы факторов, которые отчасти уравнивают друг друга. С одной стороны, дальнейший рост международной циркуляции капиталов, бизнеса и людских потоков в условиях глобализации будет происходить на фоне сохранения резких неравномерностей в развитии финансово-экономических систем в разных странах и регионах и не снижающейся теневой составляющей на всех уровнях мировой экономики. Все это сохранит и откроет новые возможности для аккумуляции и отмыwania средств, более чем достаточных для ведения террористической деятельности любого уровня. С другой стороны, пока именно противодействие финансированию терроризма стало одним из немногих направлений международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, резко активизировавшегося после терактов 11 сентября 2001 г., которое принесло реальные успехи. Эти успехи, однако, наблюдаются не столько в плане сокращения финансирования терроризма как такового, сколько в плане повышения общей прозрачности финансовых систем и потоков, усиления международного давления на офшоры и т. п.

С учетом влияния этих и других долгосрочных факторов, во-первых, ключевая роль в системах и каналах финансирования терроризма окончательно перейдет к узлам и сферам наиболее активного *взаимодействия формальных и неформальных систем аккумуляции и движения (перевода) денежных средств*. В центре национальных и международных усилий по долгосрочному противодействию финансированию терроризма должны быть именно точки и каналы *пересечения* (а) формальной банковско-финансовой системы, других легальных финансовых агентов, товарных потоков и услуг и (б) традиционных систем перевода денежных средств (*хавалья, хунди* и т. п.) и других неформальных механизмов (курьеры, бартер, «базарная экономика» и т. п.).

Во-вторых, в финансовых системах ведущих вооруженно-террористических организаций, особенно радикально-исламистского толка, сохранится сочетание финансирования (а) из криминально-теневых источников и (б) за счет изначально легальных средств (незаконного переориентирования части легально собранных религиозных пожертвований на нужды вооруженно-террористической деятельности), а также – для наиболее крупных организаций, контролирующих значительную территорию и занимающихся

квазигосударственным строительством – за счет средств, получаемых путем регулярных сборов и налогов с населения. Однако в целом соотношение между двух этими источниками финансирования еще больше сдвинется в пользу криминально-теневых доходов.

В-третьих, долгосрочная тенденция к постепенному сокращению государственного финансирования террористических организаций и активности, наблюдающаяся еще с 1990-х гг. XX в., в целом сохранится и в ближайшие десятилетия. Однако в зонах трех–пяти наиболее крупных и широко интернационализированных конфликтов с высокой степенью вмешательства региональных держав (в ирако-сирийском, афгано-пакистанском и других возможных подобных контекстах), финансовая помощь со стороны отдельных государств и государственных структур и иные формы государственной поддержки вооруженно-террористических группировок могут не только сохраниться, но и, в некоторых случаях, возрасти.

2. Хотя террористы, безусловно, «идут в ногу» с прогрессом в военно-технической сфере, абсолютное большинство терактов в мире совершается с использованием обычных и, как правило, относительно доступных и не самых продвинутых *вооружений и материалов*. 86% всех терактов осуществляется с помощью стандартных взрывчатых веществ, гранат, легкого и стрелкового оружия.¹⁶ Это полностью соответствует специфике и сути террористического метода – созданию максимального демонстративно-коммуникационного эффекта *ограниченными и относительно недорогими средствами*. В долгосрочном плане, с точки зрения усиления информационно-политического эффекта терактов, *уровень организации и координации* атак (например, хорошо спланированные серии одновременных терактов) будут играть не меньшую, если не большую роль, чем сами по себе системы вооружений, материалы и уровень технического обеспечения террористов.

Единственным исключением останутся угрозы, связанные с возможным применением террористами неконвенциональных (ядерных, химических, биологических, радиологических) материалов. Хотя вероятность таких терактов, а тем более терактов с применением полноценного оружия массового уничтожения (ОМУ), в целом *крайне невысока*, сама природа этих материалов такова, что в любом случае требует высокого уровня внимания к любым связанным с ними угрозам (включая обеспечение физической защиты соответствующих объектов и материалов). При этом наибольшую проблему в связи с угрозой получения доступа к неконвенциональным материалам и ОМУ будут представлять, скорее, так называемые пороговые страны и их прямые агенты, а из негосударственных игроков – тоталитарные (в т.ч. псевдорелигиозные/псевдонаучные) секты.

3. При всей важности систем финансирования, вооружений и материалов, наиболее динамично будет развиваться именно *информационно-коммуникационное обеспечение* терроризма. Речь идет не просто об ускоренном принятии на вооружение террористами новейших информационно-коммуникационных технологий, а о более сложном – и менее технически уязвимом – сочетании таких новейших средств и технологий (особенно в сфере распространения идеологического экстремизма, расширения аудитории и усиления информационно-политического эффекта терактов) с более традиционными, а порой и намеренно архаизированными, средствами и методами. Критическое значение информационно-коммуникационных аспектов терроризма будет возрастать не только в силу общей динамики развития

информационного общества. Они все больше будут нести на себе дополнительную нагрузку, выходящую за рамки функций информации и связи, играя возрастающую роль как в процессе радикализации и создания пула экстремистов, из которых выходят будущие террористы, так и в непосредственной координации террористических операций.

II. Соотношение динамики терроризма с тенденциями в области вооруженных конфликтов и насилия против гражданского населения

1. Терроризм и вооруженные конфликты. Терроризм – это не прямое вооруженное противостояние более сильному и более высокому по статусу противнику (государствам, международным организациям, мировой системе), а ведение такого противостояния *опосредованно*, используя непропорциональный дестабилизирующий эффект односторонних ударов по гражданскому населению. Это, с одной стороны, отличает терроризм от прямых военных действий между комбатантами, а с другой стороны, объясняет, почему терроризм так тесно связан с вооруженными конфликтами и наиболее часто применяется *именно в контексте вооруженных конфликтов*. За 25 лет с 1989 г. 88% всех терактов пришлось на страны с активными вооруженными конфликтами.¹⁷

С одной стороны, такая высокая степень корреляции между терроризмом и вооруженными конфликтами сохранится не только в ближайшие 20 лет, но и в дальнейшем. С другой стороны, динамика терроризма не обязательно будет точно отражать глобальные тенденции в области вооруженных конфликтов. Например, даже снижение общего числа конфликтов не обязательно будет автоматически сопровождаться спадом терроризма. Такое возможное несоответствие объясняется все той же тенденцией к сосредоточению большей части террористической активности в зонах лишь нескольких региональных конфликтов особо крупного и наиболее широкого транснационализированного типа (к которому большинство конфликтов в мире не относится).

С этой тенденцией связан и следующий парадокс, который не только сохранится, но и усилится в долгосрочном плане. С одной стороны, большая часть проявлений терроризма в мире сконцентрирована в зонах всего нескольких крупных вооруженных конфликтов (на Ближнем и Среднем Востоке), тогда как в развитых странах мира число терактов минимально, а их смертоносность несравнимо ниже. Однако количественные параметры терроризма не обязательно пропорциональны его политическому эффекту и в немалой степени определяются сравнительным местом того или иного контекста/региона в мировой политике. В отличие от «объективных», измеряемых показателей терроризма (число терактов, жертв и т. д.), информационно-политический эффект даже сравнительно ограниченных проявлений терроризма, например, в странах Запада, не только сравним, но и может сильно превышать политический эффект от терроризма даже в самых интенсивных конфликтных зонах – центрах мировой террористической активности. Гибель даже нескольких (десятков) человек в результате теракта в Лондоне, Мадриде, Париже или Брюсселе имеет неизмеримо больший политический и международный эффект, чем гибель 100–200 и более человек в результате теракта в Багдаде, Кабуле, Лахоре, Могадишо или Бамако. Поэтому высокая вероятность того, что количественные показатели терроризма в странах Запада сохранятся на гораздо более низком уровне, чем в других

регионах мира, отнюдь не означает снижения непропорционально сильного эффекта крупных терактов в странах Запада на международную политику и безопасность.

2. Из всех форм вооруженного насилия терроризм наиболее четко вписывается в динамику *одностороннего насилия против гражданских лиц* (любого прямого и преднамеренного политического насилия против населения со стороны игроков любого типа). Более того, принципиально новая тенденция в области одностороннего насилия, не имевшая аналогов в XX в. – переход с начала 2000-х гг. лидирующей роли в таком насилии от государств к негосударственным вооруженным игрокам – связана не только с общим ростом роли негосударственных игроков в мировой политике и вооруженном насилии, но и с растущим использованием ими именно террористических методов. В долгосрочном плане высока вероятность того, что по основным количественным показателям терроризм будет превосходить другие виды одностороннего насилия против гражданского населения (этнические чистки, межобщинное насилие, карательно-репрессивные кампании со стороны государств и т. д.)

3. *Терроризм и криминальное насилие*. В глобальном масштабе терроризм устойчиво и сильно уступает криминальному и бытовому насилию как по степени распространенности, так и – более чем десятикратно – по числу убитых (составившему в 2014 г. 437000 человек, что в 13 раз больше числа погибших в терактах).¹⁸ Это соотношение сохранится и в ближайшие 20 лет. При этом в абсолютных лидерах по криминально-бытовому насилию – Южная Африка, Центральная и Южная Америка,¹⁹ т. е. не те страны и регионы, которые наиболее подвержены террористическим угрозам. На этом фоне специфика Евразии (и России) состоит в том, что этот макрорегион одновременно демонстрирует средне-высокий уровень криминально-бытового насилия²⁰ и подвержен террористическим угрозам среднего уровня. В долгосрочной перспективе, если уровень террористических угроз в Евразии и может снизиться (в том числе за счет усиления противодействия терроризму), то уровень криминально-бытового насилия будет зависеть, прежде всего, от улучшения или ухудшения социально-экономических условий.

III. Перспективы развития терроризма с учетом фактора неопределенности и возможных новых рисков

Если сравнительную степень террористических рисков для тех или иных стран и регионов еще можно оценить в большей или меньшей степени вероятности, то растущее многообразие форм и проявлений самого терроризма и уязвимых, «мягких», невоенных мишеней и целей в современном мире осложняет задачу прогнозирования как конкретных особо масштабных терактов, так и новых типов рисков и угроз в этой сфере. Тем не менее, в долгосрочной перспективе можно выделить как минимум две группы рисков, вероятность которых высока, хотя они и не обязательно вытекают из современных тенденций в области терроризма.

Во-первых, есть основания полагать, что в идеологическом плане вдохновленное аль-Каидой движение «глобального джихада» начала XXI в. и выросший из региональных рамок феномен ИГИЛ, перехвативший у аль-Каиды инициативу в области транснационального джихадизма – это не последние антисистемные движения с транснациональной универсалистской идеологией и

целями не только этом веке, но даже в первой его половине. К 2035 г. высока вероятность формирования как очередной, «новой редакции» радикально-исламистского движения «глобального джихада» в результате его нелинейной и динамической эволюции, так и транснациональных серийных кампаний, или «волн», террористической активности других мотивационно-идеологических типов, особенно сектарного, расистского/антииммигрантского и анархистско-антиглобалистского толка. Несмотря на крайний идеологический радикализм и относительно ограниченный конвенциональный, людской и территориальный потенциал, террористическая активность таких экстремистских движений *в любом случае* будет представлять серьезную стратегическую угрозу безопасности человека, обществ(а), государств(а) и международного сообщества. При этом в целом по степени распространенности терроризм будет уступать криминально-бытовому насилию, по смертоносности – совокупным жертвам прямых боестолкновений в ходе вооруженных конфликтов, а по массовости – другим, в том числе менее организованным, формам насилия на социально-политической и социально-экономической почве (массовым беспорядкам, межобщинному насилию и т. д.).

Во-вторых, готовность террористов искать новые пути достижения максимального резонанса и дестабилизирующего эффекта своих атак может выразиться в их более активном экспериментировании с террористическими методами. Представляется, что вероятность таких экспериментов в *выборе новых целей, мишеней и локаций* для ударов обычными средствами выше, чем даже попыток экспериментировать с применением неконвенциональных материалов. Среди таких целей и мишеней – «новых» в том смысле, что они пока «недоиспользованы» террористами – объекты и системы критической экономической инфраструктуры, особенно в энергетической, информационно-коммуникационной и банковско-финансовой сфере. Важно подчеркнуть, что эти цели предугадать сложнее, чем более привычные мишени террористов (например, массовые скопления людей, в том числе на узлах и объектах инфраструктуры общественного транспорта), и трудно защитить обычными средствами. Поэтому в сфере информационных технологий, коммуникаций, энергетики, финансовой инфраструктуры особое внимание следует уделять обеспечению общей устойчивости системы, ее диверсификации, резервным мощностям и ресурсам. Важный бонус такой стратегии состоит в том, что повышение общей устойчивости критической инфраструктуры делает ее более устойчивой не только к специфическим террористическим угрозам, но и к угрозам иного типа (военно-диверсионным, технологическим, природным и т. п.).

В определенной степени это относится и к более общей задаче снижения террористических и иных рисков, как прогнозируемых, так и непредсказуемых. Снижение рисков не тождественно и не сводится к прогнозированию и парированию угроз, в том числе террористического типа. Оно в равной степени требует определения *структурных уязвимостей* той общественно-государственной системы, которая подвергается угрозе, или международной системы в целом, и повышения степени общей политической, идеологической и социально-экономической *устойчивости самой системы*.

Это особенно актуально в свете того, что в эпоху глобализации и развития информационно-коммуникационных технологий *в принципе* все более критическое значение приобретает не столько реальный масштаб насилия, сколько возможность с его помощью создать эффект политической

дестабилизации, многократно превышающий прямой ущерб от самого инцидента, и таким образом асимметрично влиять на конкретную политическую ситуацию и международную безопасность. Терроризм – это и есть наиболее асимметричная форма политического насилия в условиях информационного общества. Поэтому, вне зависимости от того, какой конкретный вид терроризма будет иметь наибольший информационно-медийный эффект на том или ином этапе и уровне развития мировой политики, общая роль терроризма как самого асимметричного и коммуникационно-ориентированного вида политического насилия во все более взаимосвязанном и в этом смысле все более хрупком мире будет только возрастать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мишенями террористов, например, в контексте вооруженного конфликта, также могут быть все некомбатанты. Терракты также могут носить *сознательно неизбирательный* характер, заранее предполагающий и нацеленный на гибель значительного числа мирных граждан.

² Подробнее об определении терроризма см., например, консенсусное академическое определение терроризма, составленное на базе опроса нескольких сотен ведущих специалистов по этой проблематике: *The Routledge Handbook of Terrorism Research* / Ed. by Alex P. Schmid. – L.; N.Y.: Routledge, 2011. P. 86–87.

³ *Global Terrorism Index. 2012–2015.* – Sydney: Institute of Economics and Peace, 2012–2015. Эксперт ИМЭМО РАН д.полит.наук Е.А.Степанова принимала участие в разработке методологии Глобального индекса терроризма (Институт экономики и мира, Австралия).

⁴ Здесь и далее вычисления проведены на основе крупнейшей в мире Глобальной базы данных по терроризму (Национального консорциума исследования терроризма и антитерроризма при Университете Мэриленда, США). *Global Terrorism Database. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), University of Maryland.* (*далее везде* – GTD-2016): <http://www.start.umd.edu/data/gtd/>

⁵ В 2014 г. зафиксировано 16818 терактов (по сравнению с 1778 терактами в 2000 г.). GTD-2016.

⁶ В 2014 г. В терактах было убито 32658 человек, по сравнению с 3329 чел. в 2000 г.; *Global Terrorism Index 2015: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism.* – Sydney; N.Y.; L.: Institute for Economics and Peace, 2015. P. 2, 9 (*далее* – GTI-2015): <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf>

⁷ *Ibid.* P. 63. Масштаб прямого экономического ущерба от терроризма в 2014 г. сравним, например, с объемом глобального рынка афганских опиатов (около 60 млрд. долларов в год).

⁸ GTD; GTI 2012–2015.

⁹ GTI-2015. P. 2, 9.

¹⁰ GTI-2015. P. 4.

¹¹ Ibid., P. 2.

¹² Так, на счету «Боко Харам» в 2014 г. было 6644 убитых в терактах, а на счету ИГИЛ – 6073. В целом, в вооруженной деятельности «Боко Харам» терроризм против гражданского населения занимал даже большее место, чем в активности ИГИЛ: против гражданских лиц было направлено 77% всех атак «Боко Харам» и 44% атак ИГИЛ. В совокупности лишь на этих два крупных движения пришлось более половины – 51% -- всех погибших в терактах в мире за 2014 г. GTD; GTI-2015. P. 35, 41–42.

¹³ GTI-2015. P. 49. Если исключить крайне нетипичную серию атак в США 11 сентября 2001 г., то на территории стран Запада в 2000–2014 гг. погибло лишь 0,5% всех убитых в терактах в мире.

¹⁴ См., например, Stepanova E. Transnational Islamist terrorism: network fragmentation and bottom-up regionalization. В кн.: *Global Terrorism Index 2014: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism*. – Sydney; N.Y., L.: Institute of Economics and Peace, 2014. P. 74–78; также на рус. яз.: Степанова Е.А. ИГИЛ и транснациональный исламистский терроризм // Пути к миру и безопасности. декабрь 2014. №2 (47). С. 13–27.

¹⁵ Подробнее см.: Stepanova E. Lone wolves and network agents in leaderless jihad. In: *Perseverance of Terrorism: Focus on Leaders*. Ed. by K.Rekawek and M.Milosevic. — Amsterdam: IOS Press, 2014. P. 50–63; Stepanova E. The evolution of the al-Qaeda-type terrorism: networks and beyond. In: *Dynamics of Political Violence: A Process-Oriented Perspective on Radicalization and the Escalation of Political Conflict* / Ed. by L.Bossi, C.Demetriou and S.Malthaner. — Farnham, VA: Ashgate, 2014. P. 288–305.

¹⁶ GTI-2015. P. 35. Согласно Глобальной базе данных по терроризму, из 76034 терактов в 2001–2014 гг., в 65415 случаях (или в 86% всех терактов) применялись либо динамит и другие обычные взрывчатые вещества (в 41485 терактах), либо легкое и стрелковое оружие (в 23930 терактах). GTD-2016.

¹⁷ Ibid. P. 3, 68.

¹⁸ Ibid. P. 3, 65.

¹⁹ *Global Study on Homicide 2013: Trends, Contexts, Data*. – Vienna: UN Office on Drugs and Crime (UNODC), 2014. P. 23.
https://www.unodc.org/documents/gsh/pdfs/2014_GLOBAL_HOMICIDE_BOOK_web.pdf

²⁰ Ibid. P. 24, 151.